

«ГУБИТ ЛЮДЕЙ НЕ ПИВО...»: БОРЬБА С ПЬЯНСТВОМ В БССР В ПЕРИОД НЭПа (1921–1928)

Т. В. Петюкевич

*Национальный архив Республики Беларусь, пр. Независимости, 116, 220114,
г. Минск, Республика Беларусь, tatstsyana98@mail.ru*

Одной из значимых общественных проблем периода НЭПа являлось пьянство. В условиях запрета на продажу крепкого алкоголя, а позднее его высокой стоимости и малодоступности, росли масштабы самогонварения.

Легализация производства и продажи водки в 1925 г. спровоцировала рост преступности, в частности, хулиганства.

Ключевые слова: НЭП; пьянство; самогонварение; рабочие; крестьянство; антиалкогольная пропаганда.

“IT'S NOT BEER THAT SPOILS PEOPLE...”: FIGHTING DRUNKENNESS IN THE BSSR DURING THE NEP PERIOD (1921–1928)

T. Petsiukevich

*The National Archives of the Republic of Belarus, Niezaliežnasci Avenue, 116, 220114,
Minsk, Republic of Belarus, tatstsyana98@mail.ru*

One of the significant social problems of the NEP period was drunkenness. Under the conditions of the ban on the sale of strong alcohol, and later its high cost and low availability, the scale of moonshine brewing grew.

The legalization of the production and sale of vodka in 1925 provoked an increase in crime, in particular, hooliganism.

Keywords: NEP; drunkenness; moonshine brewing; workers; peasantry; anti-alcohol propaganda.

Советская власть в целом заняла традиционную для дореволюционного периода отрицательную позицию к пьянству, однако в условиях становления новых социально-экономических отношений политика государства в этом вопросе была неоднозначной. Последнее выражалось в сохранении так называемого сухого закона, действовавшего в годы Первой мировой войны, введении запрета на производство и реализацию спирта в 1919 г., постепенном ослаблении запретительных мер с переходом к НЭПу, разрешении свободной торговли спиртным и введении государственной винной монополии в 1925 г. [1, с. 55]. Побочным результатом жестких антиалкогольных мер первых лет советской власти стало развитие самогонварения, и, как следствие, пьянства. В феврале 1923 г. милиция отмечала, что потребление самогона в БССР выражается в приблизительной цифре

235 725 ведер в год. Степень влияния употребления спиртного на здоровье населения установить трудно, т. к. последнее из-за страха ответственности за медицинской помощью не обращалось. Согласно рапорту Слуцкой уездной милиции, в 1922 г. в уезде было зарегистрировано 2 смертельных случая отравления самогоном. Самогоноварение также являлось причиной значительной части пожаров: источником около 40% возгораний были взорвавшиеся котлы-бражки [2, л. 10]. Нелегальное изготовление и продажа алкоголя подпадали под ст. 190, 191 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., действие которого с 1 июля 1922 г. было распространено на территорию БССР [3]. Данные статьи касались фальсификации и сбыта фальсифицированных предметов общественного потребления.

В качестве профилактических мер милицией периодически проводились обыски у лиц, подозреваемых в самогоноварении. Согласно постановлению СНК БССР от 9 февраля 1923 г., 50% штрафов, взыскиваемых в судебном и административном порядке за незаконное приготовление, хранение и сбыт спиртных напитков, предназначались на премирование работников милиции, 25% — лиц, способствовавших обнаружению мест производства, 25% — в доход местных исполнительных комитетов [2, л. 121].

Исследователь Е. В. Шерстнева считает, что именно самогоноварение, а не пьянство и алкоголизм стало первоначальной мишенью советской пропаганды. В 1923 г. Главполитпросвет выпустил агитационный сборник В. В. Маяковского «Вон — самогон!». Обложка первого издания этого произведения воспроизводилась в виде плаката, а отдельные строки — в виде лозунгов: «Выгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!» и др. [1, с. 55].

В условиях запрета реализации водки, на 1924 г. в свободной продаже присутствовали такие виды алкоголя, как пиво, вино и наливки, которые включались в категорию слабоалкогольных напитков. В Минске пиво продавалось в 38 заведениях, расположенных преимущественно в центральной части города, а на окраинах реализовывалось в частных лавках, где параллельно продавался самогон. Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ) БССР отмечала, что, несмотря на отсутствие на окраинах специальных заведений, пьянство там процветает, принимая довольно широкие размеры [4, л. 73 об].

Комиссия при Экономической инспекции РКИ БССР по вопросу о борьбе с пьянством на заседании 16 августа 1924 г. констатировала, что проблема злоупотребления алкоголем распространена среди рабочих. Представитель ЦК ЛКСМБ Камер отмечал, что 80% частных лавок, а также клубы и столовые торгуют пивом. В результате «...и молодежь пьет, ученики угощают мастеров, чтобы лучше к ним относились». Представитель уездно-городского комитета ЛКСМБ Шелемов подчеркивал, что в части

пивных, которые часто посещали рабочие, под видом пива продавали крепкие напитки, в частности, самогон. Имел место случай, когда один рабочий после посещения такого заведения отсутствовал на рабочем месте неделю [4, л. 78].

Борьба с употреблением алкоголя иногда велась весьма специфическим образом. Так, после появления на минской электростанции буфета с пивом отмечался положительный эффект: «...не встречается, чтобы рабочий пил самогон. Одно только пиво вреда не наносит, если не смешивать с водками и наливками, которые должны быть изъяты из продажи, а частные лавочки, торгующие пивом, необходимо закрыть» [4, л. 78].

Альтернативой самогоноварению должна была стать легальная «русская горькая» — хлебное вино 40-градусной крепости (водка). Продажа последней была разрешена в БССР 1 октября 1925 г. На территории республики действовали 2 спиртоводочных завода — в Минске и Витебске. Цена ведра водки составляла 20 руб. без посуды, при розничной торговле — 18 руб. С 1 декабря 1925 г., в связи с повышением акциза с 14 руб. до 22 руб. 80 коп. за ведро, лимитная цена составила 30 руб. [4, л. 4].

Со своей основной задачей — борьбой с увеличением объемов самогоноварения — легализация продажи водки не справлялась. Сельское население, которое являлось основным «производителем» и потребителем самогона, игнорировало легальный алкоголь по ряду причин. Например, крестьянство Могилевского округа не покупало русской горькой, наливок и вин ввиду их слабой крепости, а также высокой стоимости — от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. за бутылку. В то же время цена самогона варьировалась от 50 коп. до 1,5 руб. [4, л. 105]. Крестьяне Оршанского округа также предпочитали самогон «панским напиткам» [4, л. 110]. В РКИ БССР отмечали, что многие столовые и распивочные превышали этикетные цены на хлебное вино на 30% и более [4, л. 5]. Кроме того, легальные спиртные напитки продавались не повсеместно, а исключительно в окружных и районных центрах. Таким образом, основным потребителем хлебного вина оставались города: в октябре и ноябре 1925 г. там было реализовано 82% и 66% продукции соответственно [4, л. 2].

Иные виды алкоголя, такие как пиво и наливки, употребляло в основном городское население. Но даже в городах торговля легальным алкоголем не оказывала существенного влияния на уменьшение объемов самогоноварения. Основной причиной такого положения был высокий акциз, который составлял 173% от себестоимости горьких настоек и 146% сладких. Уполномоченный Управления государственной спиртовой монополии по БССР отмечал, что в случае отказа Народного комиссариата финансов уменьшить акциз на алкоголь, государственный бюджет будет

довольствоваться «весьма неустойчивым доходом по этой статье и притом чрезвычайно незначительным по своим размерам» [4, л. 82]. Отмечалась нецелесообразность равно высокого обложения акцизом горьких и сладких настоек, в то время как горькие являлись аналогом самогона.

В условиях высокой стоимости и малодоступности легального алкоголя продолжало процветать самогонование, однако ситуация в округах была разной. В ноябре 1924 г. уполномоченный Центральной контрольной комиссии КП(б)Б и РКИ по Полоцкому округу отмечал, что по причине отсутствия в округе «русской горькой» самогонование увеличилось и приняло «массовый общественный характер к выгонке» [4, л. 98]. В Могилевском округе, напротив, производство нелегального алкоголя уже не носило такого масштабного характера, как ранее, когда «отдельные селения представляли из себя пьяное море» [4, л. 105]. Несколько уменьшились объемы самогонокурения и на территории Калининского округа. В Оршанском округе 78 % от общего числа выявленных самогонщиков являлись «случайными» и занимались выгонкой алкоголя эпизодически [4, л. 111].

В 1924–1925 г. количество изъятых самогонных аппаратов выросло на 22,4 % по сравнению с 1923–1924 г. Из данных милиции о количестве обнаруженных очагов можно сделать вывод, что объемы самогонования несколько сокращались в июне–сентябре, когда у крестьян уменьшались запасы хлеба и иных продуктов, из которых можно было выгнать самогон [4, л. 6].

Легализация продажи водки повлекла за собой рост масштабов пьянства в городах. Например, в Минске за первую четверть 1925 г. милицией было задержано в пьяном виде 266 человек, за последнюю четверть 1925 г. — до 480, за первую четверть 1926 г. — 527 [5, л. 221]. Антиалкогольная комиссия при организационно-пропагандистском отделе ЦК КП(б)Б отмечала, что пьянство рабочих на фабриках и заводах является одной из причин увеличения количества прогулов, снижения производительности труда, ухудшения качества продукции и т. п. Так, многочисленные факты пьянства и хулиганства были зафиксированы среди рабочих борисовского стекольного завода «Домбаль», где рабочие пропивали за один вечер всю получку — 50 руб. и более [5, л. 222].

Увеличение потребления спиртных напитков влияло на рост преступности. По данным уголовной статистики, число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, выросло с 1,8 % в первой половине 1924 г. до 3,6 % в первой половине 1925 г. [4, л. 25]. По отдельным видам преступлений такой процент был довольно высоким: в городах среди осужденных за хулиганство пьяные составляли 42 %, за умышленные телесные повреждения — 40 %, в сельских местностях за убийства — 39 % [4, л. 26].

Комиссия по борьбе с хулиганством в ноябре 1926 г. отмечала, что за прошедший год хулиганство в БССР выросло на 90 %, причем рост на город составлял 116 %, а на деревню — около 70 %. По мнению комиссии, причину следовало искать в пьянстве, под воздействием которого мелкое хулиганство часто переходило в «мордобой и поножовщину». Большинство осужденных за хулиганство — 54,5 % — составляла молодежь до 25 лет. По социальному составу 54 % приходилось на крестьян, 25 % — на рабочих, 9,5 % — служащих, 11,5 % не имели обозначенных занятий [6, л. 447]. Комиссия отмечала, что при этом около 40 % хулиганов не поддаются учету. Так, во время съемок фильма «Гришка-свинопас» на площадку явились несколько пьяных парней, разогнали всех участников, поломали аппаратуру и скрылись [6, л. 442].

Пагубное влияние алкоголя затронуло также и членов партии. По линии контрольной комиссии партийные взыскания за пьянство в БССР получили 246 человек, среди которых 115 являлись рабочими, 92 — крестьянами, 39 — служащими [5, л. 21].

Антиалкогольной комиссией чрезмерное употребление спиртного было названо следствием некультурности, праздности, «скуки жизни», неумения организовать свое время, усталости, издерганности, болезненности [5, л. 223]. Причинами были определены тяжелые общебытовые и жилищные условия, мещанский семейный уклад, неудовлетворительная постановка культурной работы, высокая стоимость кино и других зрелищ. Комиссия также отметила «ослабление у некоторых членов партии чувства ответственности перед парторганизацией» и игнорирование «слабости» к выпивке при выдвижении кандидатов на выборные должности. Ситуацию усугубляла несформированность общественного мнения, осуждающего пьянство. Одновременно комиссия выражала опасение, что результатом применения одних только «репрессивных» мер в отношении пьющих членов партии станет превращение алкоголизма в скрытый порок [5, л. 223].

В качестве практических мер по борьбе с пьянством коллегия агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б в 1926 г. предлагала проводить систематическую антиалкогольную пропаганду, привлекая к ней профсоюзы, комсомол, собрания делегатов, периодическую печать. Сформировать общественное мнение, осуждающее чрезмерное употребление алкоголя, планировалось путем придания разбору дел, связанных с пьянством, общественно-показательного характера. Народному комиссариату здравоохранения поручалось издания брошюр и организация лекций общественно-медицинского характера о пагубном влиянии алкоголя на организм. Альтернативным употреблению алкоголя времяпровождением называлось проведение в клубах вечеринок с разумными играми, вовлечением в них рабочих и их семей [6, л. 51].

На совещаниях коммунистов-культурников при агитационно-пропагандистском отделе Гомельского окружного комитета КП(б)Б в 1928 г. предлагалось открыть в округе чайные. Последние могли заменить «пивнушки», в которые рабочие ходили из-за отсутствия клубов на окраинах города. Предполагалось, что в чайных рабочий сумеет более целесообразно провести время отдыха [7, л. 322].

Несмотря на принятые меры против пьянства и самогонварения, к концу 1920-х гг. они продолжали оставаться значимыми общественными проблемами. На VIII съезде ВЛКСМ, 6 мая 1928 г., Н. И. Бухарин отмечал, что «самогон является сейчас главной помехой в деле отрезвления Советского Союза» [8, с. 76]. Об актуальности проблемы свидетельствовало законодательство: Уголовный кодекс БССР 1928 г. содержал 4 самостоятельные статьи, касающиеся нелегального изготовления и сбыта самогона, в то время как ранее самогонварение подпадало под общую статью о фальсификации и сбыте предметов общественного потребления [9, ст. 147–150].

Таким образом, запрет на продажу крепкого алкоголя провоцировал его нелегальное производство. Легализировав с октября 1925 г. продажу водки, власти рассчитывали на снижение объемов самогонварения, однако по причинам малодоступности хлебного вина в сельской местности и его высокой стоимости данное мероприятие не произвело ожидаемого эффекта. Основными мерами борьбы с пьянством стала антиалкогольная пропаганда и усиление культурной работы в клубах, однако значительного результата данные мероприятия не достигли.

Библиографические ссылки

1. *Шерстнева Е. В.* Санитарное просвещение и пропаганда в борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в 1920-е годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2014. № 4. С. 54–58.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 35. Оп. 1. Д. 334.
3. Уголовный кодекс РСФСР // Собр. Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. 1922. Отд. 1. № 15.
4. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2606.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2854.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2310.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2309.
8. *Дашкин Р. А., Сомов В. А.* «Вон — самогон!». Проблема пьянства в органах уездной власти Нижегородской губернии в 1920-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2018. № 2. С. 74–88.
9. Уголовный кодекс Белорусской Социалистической Советской Республики // Собр. Законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. 1928. Отд. 1. № 30.